

Екатерина Грайнман
Если бы рыба могла говорить

Избранные стихотворения

**Екатерина Михайловна Грайнман
(Дворкина)**

**Если бы рыба могла говорить.
Избранные стихотворения**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24120393

ISBN 9785448508264

Аннотация

В этой книге представлены избранные стихотворения разных лет из опубликованных (на момент подготовки данного издания) сборников «Расстрел», «Невозвращённое», «Безголосья», «Говоря с тишиной», «Герда», «За сорок дней до лета», «Холодная весна», «Осенний костёр», «Шестиконечная», «Если бы рыба могла говорить», «Изгой», «Летний день перед зимой», а также из готовящегося к печати сборника «Осень в Ереване».

Содержание

Распад атома	9
Подземелья	14
Эшафоты	19
Говоря с тишиной	23
Заточки	28
Чужое небо	31
Жёлтый дом	36
Звезда	39
Расстрел	43
Судьба ничего не даёт навечно	46
Герда	52
Песня о Москве	56
Невозвращённое	59
У подъезда красивого дома	63
Словами и строчками	66
Пожалуйста, не надо говорить	69
Расстрел (2)	71
Если бы рыба могла говорить	76
Шестиконечная	79
Свет	84
Без названия	87
Принцесса	90
Не отрекусь	93

Про палачей

101

Конец ознакомительного фрагмента.

104

**Если бы рыба
могла говорить**
Избранные стихотворения

**Екатерина Михайловна
Грайнман (Дворкина)**

Фотограф Екатерина Грайнман

© Екатерина Михайловна Грайнман (Дворкина), 2024

© Екатерина Грайнман, фотографии, 2024

ISBN 978-5-4485-0826-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Как он умело шевелит опрятным коготком!
Как рыбок он благодарит, глотая целиком!»*

© *Льюис Кэрролл, «Алиса в Стране чудес»*

«Как началась наша любовь? Банально, банально.
Как всё прекрасное, началась банально. Вероятно,
гармония и есть банальность. Вероятно, на это

бессмысленно роптать. Вероятно, для всех был и есть один-единственный путь – как акробат по канату, пройти над жизнью по мучительному ощущению жизни. Неуловимому ощущению, которое возникает в последней физической близости, последней недоступности, в нежности, разрывающей душу, в потере всего этого навсегда, навсегда. Рассвет за окном. Желанье описало полный путь и ушло в землю. Ребенок зачат. Зачем нужен ребенок? Бессмертия нет. Не может не быть бессмертия. Зачем мне нужно бессмертие, если я так одинок?

Закат в комнате, где когда-то мы жили с тобой: синее платье лежало на этом стуле. В непрерывном пёстром потоке промелькнули синее платье, размолвка, зимний туманный день. Спираль была закинута глубоко в вечность. Разбитое вдребезги, расплавленное мировое уродство, сокращаясь, вибрируя, мчалось по ней. Там, на самой грани, у цели, всё опять сливалось в одно. Сквозь вращенье, трепет и блеск, понемногу проясняясь, проступали черты. Смысл жизни? Бог? Нет, всё то же: дорогое, бессердечное, навсегда потерянное твоё лицо».

© *Георгий Иванов, «Распад атома», 1938*

Автопортрет, ноябрь 2014

Автопортрет, январь 2017

Распад атома

29 июля 2012

Навеяно «Распадом атома» Г. Иванова (1938 г.)

Атом неподвижен. Атом спит.
Вечность опускается на дно.
В красном небе чёрный диск горит.
Это всё, что нам с тобой дано.
Но любовь однажды началась —
Это так нелепо и банально,
Только ты лишь этим и спаслась,
Тем, что обрела её случайно.
Нет бессмертья. Для чего тогда есть мы?
Для чего мне быть бессмертным, если скоро
Окажусь на дне мирской тюрьмы,
Там, где не достанет даже порох.
Вспоминаю. Сквозь вращенье, блеск и трепет
Проступают те черты, что я любил.
Только атом никогда не дремлет.
Я живу. Без гордости. Без сил.
Там, на грани, всё сливается в одно.
Для чего тогда столь долгая дорога?
Я хочу того, что не дано, —
Чтобы ты ждала, как прежде, у порога.

В этой вечности я вижу те черты,
Что хотел мучительно запомнить,
Чтобы в час щемящей пустоты
Эту яму радостью наполнить.
Я хочу таких простых вещей,
Как подняться, сесть и умыться...
Только сны бесчисленных ночей
В этой синей комнате не снятся.
Ты жила здесь. Твоё платье было там,
Вот на этом стуле с длинной спинкой.
Для чего нам космос этот дан?
Или он – лишь мёртвая картинка?
А у слов нет звуков, смыслов нет,
Для чего тогда дана вся эта мука?
Давит омертвелый тусклый свет
На меня – ведь вот такая штука.
Миллиард раздробленных частиц,
Что летают, оголяя ножны.
Череда бессмысленнейших лиц,
В ней лицо твоё увидеть сложно.
Тишина и ночь. Что впереди?
Мысли обрываются на точке.
Атом так опасен – погляди! —
В этой разноцветной оболочке.
Я хочу писать тебе письмо —
Самое небесное, святое...
Но чернила высохли давно,
Так и не задев нас за живое.
Я хочу вдохнуть, но не могу.

Тишина и ночь. Но где же атом?
Я на каждом сделанном шагу
Нахожу ответ, который спрятан.
Ядра одиночества горят,
Я в тисках у вечной круговерти.
Это превосходный, чистый яд!
Яд, который страшен даже смерти.
Мне бы хоть одним глазком взглянуть,
Как у нас сейчас, ну, там, в России,
Только перерезан этот путь,
Ведь России нет, её убили.
Я хочу любить в последний раз.
Расщепить, разрезать этот атом...
Я хочу любить тебя. Сейчас.
Только ключ от двери запечатан.
Я изнемогаю, трепещу,
Я прошу действительных ответов.
Ты прости, что я тебя ищу,
И не укоряй меня за это.
Вижу я опять густой туман.
Всё конечно. Есть ли что-то после?
Атом спит, скрывая свой обман.
Или здесь со мной не атом вовсе?
Ты была ярчайшей из комет,
Ты была звездой в моей ладошке.
Нет тебя, но этот дивный свет
Для меня по-прежнему в окошке.
Отсыхает всё, что есть внутри.
А душа – она теперь не в моде...

Приходи. Я гибну! Посмотри!
Гибну в этой липкой несвободе.
Город спит. Его туман мне – чуждый.
Я бреду, куда глаза глядят.
Город спит и отражает в лужах
Всякую никчёмность, всё подряд.
Я дышу. Но, может, это сон?
Воздух отравляющий. Но что же?
Выбор был непрост, таков закон.
Или ты, иль жизнь. А что дороже?
Ты ушла и забрала с собой
То, чему так ярко улыбалась...
Всё, что есть, есть в вечности другой,
А не в той, что мне теперь осталась.
Мимо. Да. Хочу на берег моря,
Ощутить дыханье на лице,
Слушать звук холодного прибоя
И забыть о стали и свинце.
Но душа беседовать не может
И дрожит, гримасничая, так,
Будто ей и вечность не поможет
И не воскресит её. Никак.
Я хочу смотреть, как над Невой
Проплывают облака из пыли.
Я хочу к тебе. Хочу домой.
Только дома нет. Его убили.
Я хочу есть раков у реки,
Я хочу не слышать больше плача,
Я хочу смотреть, как поплавки

Утопают там, в воде прозрачной.
Я хочу вернуть всё то, что мы
В жизни растеряли и забыли.
Я хочу к тебе – на край судьбы.
Только тебя нет. Тебя убили.

Подземелья

17 декабря 2013

На дне глубокого колодца,
На дне широкой колыбели,
Где никогда не будет солнца,
Лежу я в каменной постели.
В краях, где стаи птиц кружили,
На дне разрушенного замка,
В котором мы когда-то жили,
Где было ничего не жалко,
Среди руин, среди камней,
Во времени, где всё иначе,
Среди скелетов и костей
Лежит душа моя и плачет.
Она лежит – и ничего.
Кровавые глаза на блюде.
Я не спаслась ни от кого,
Ведь главный враг – совсем не люди.
Я не смогла уйти назад,
Спина слаба, пробита грудь,
Из крови мёртвых водопад
Мне к свету перерезал путь.
И в этой страшной темноте —
В колодце только капли слышно —

Я поняла, что мы не те,
Что ничего у нас не вышло.
Что мы сидим на самом дне,
Что эти капли громче, шире,
Что мы в аду, а не в огне,
Что мы в пустом подземном мире,
Что вместо сердца две змеи,
Что ты меня давно не любишь,
Что эти руки – не мои,
Что ты мне крылья рубишь, рубишь,
Что ты меня давно не ждёшь,
Что ты отсёк мне всё живое,
Что слов ты больше не поймёшь,
Что мы не целое – нас двое,
Что времени здесь больше нет,
Здесь никогда не будет лета,
Что я давно теряла след,
Но только нынче вижу это,
Что мёртвые давно немые,
А я всё с ними в диалоге,
Я дождалась своей зимы,
Но отчего ж не ходят ноги?
Что я не жарюсь, не тону,
Что не молюсь, не злюсь, не плачу,
Что я давно иду ко дну,
Что больше ничего не значу,
И я стою над тишиной,
Я – всех несчастий королева.
К тебе тянусь я, друг ты мой!

Да только ты моим и не был.
Чего ты хочешь от меня?
Чтоб я рыдала за стеною?
Чтобы тебе сказала я,
Что не была твоей женою?
Что не вила своих мостов,
Что высоко не поднималась,
Что не рвала тебе цветов,
Придя однажды, не осталась?
Что не была с тобой честна,
Что солнце в небе не светило,
Что не была тебе нужна?
А впрочем, точно ли всё было?
Ведь в этом чёрном подземелье
Я ничего не понимаю.
По капле я глотаю зелье,
И где здесь выход – я не знаю.
И я не знаю, где ответ.
Кто объяснит мне, что случилось?
Быть может, ничего и нет?
Быть может, жизнь мне просто снилась?
Ты этот сумрачный вопрос
И эту дикую тоску,
Ни разу не приняв всерьёз,
Размазал кровью по виску.
И ничего. И я проснулась.
Оказывается, спала.
Во мне ничто не содрогнулось,
Как будто я давно ждала.

Зима. Окно. А за окном
Всё тот же двор, всё та же клетка,
Всё та же жизнь, в которой сном
Ты выстрелил в меня так метко.
Всё тот же счётчик из людей,
Из лиц, из лет и из часов,
Воспоминаний и идей,
Из дат, из точек, голосов...
Раз я живая из живых,
То я найду своё спасенье,
И будет жизнь в руках моих —
Прощёная, как воскресенье.
Но только это снова сон,
И я всё время забываю,
Что ты велел мне выйти вон,
Что, дескать, я тебе мешаю.
И что колодец — это то,
Что выжило со мною вместе,
Что не поможет мне никто,
Твоей чернеющей невесте,
Что солнце падает в тоску,
Надежда тает без надежды,
Что смерть щекочет по виску,
Что кровью залита одежда,
Я здесь одна, и эта точка,
В которую смотрю теперь,
Покажет путь всем одиночкам
В тот край, где запертая дверь.
Я в этом мире — инородец,

Я таю, чахну, я дрожу,
И тот безжизненный колодец,
В котором я теперь сижу,
Та колыбель, где я лежала,
Тот замок, что меня губил, —
В то время я ещё дышала,
Ну а теперь нет больше сил.

На дне разрушенного замка,
В котором жили мы когда-то,
Навзрыд заплакала цыганка
О всех безвременных утратах.
На дне глубокого колодца,
На дне широкой колыбели,
В краю погубленного солнца,
У края сломанной постели,
Среди руин, среди голов,
Среди немислимого горя,
Среди пустых ненужных слов
Вдруг оказались мы с тобою.
Ты эту дикую тоску,
Которая не снилась людям,
Пустил мне кровью по виску,
Но кто тебя за то осудит?
И этот каменный подвал —
Здесь я лучину не зажгу.
Меня ли ты всегда искал?
Прости, я больше не могу.

Эшафоты

июнь 2010

Пятнадцать дней до Холокоста.
Углём наполнилась земля.
Иди за мной – всё очень просто:
Сегодня – ты, а завтра – я.
Пятнадцать дней. Дана отсрочка.
Луна над грешной головой.
Зачем нам ждать? Поставим точку —
Умрём с закатом в час ночной.
Палач топор роняет звонко,
Смола течёт по волосам.
Палач, когда он был ребёнком,
Уже не верил чудесам.
Вот человек в монашьей рясе
Бредёт по призрачным мостам.
А эшафот – ведь он прекрасен —
Как соль по раненым устам.
И город – странный, бестелесный —
Меня дурным окутал сном.
Мне в жизни – тесно, в смерти – тесно:
Сметём обеих их огнём!
Вокруг – монахи и убийцы.
Всё без разбора. Все равны.

С деревьев падают синицы,
С небес глядит клочок луны.
На мостовых – рябой булыжник.
Все ноги – в кровь. Болит, болит!
Разбился насмерть пьяный лыжник.
И пастор, говорят, убит.
На людях – серые одежды,
Костёл гремит колоколами.
Ни сна, ни вдоха, ни надежды —
Топор летит над куполами.
Зловещее молчанье... Бездна!
Упасть в неё и замереть.
Ждать избавленья бесполезно —
Нам не подняться, не взлететь.
Палач и жертвы ходят рядом,
Меняясь иногда ролями.
Меня спасал ты просто взглядом,
А нынче – пропасть между нами.
Ко мне с реки летит ворона.
Здесь воздух душен, мерзок, глух!
Мы не услышим перезвона —
Костёл разрушен. Свет потух.
Сил нет. Тотальное безумие.
И ведь отсюда не уехать...
Давай дождёмся новолуния!
Давай сбежим! Ведь нет помехи...
Но воля скована и скошена,
Сломали волю, как тростник.
...И только тень на воду брошена —

Не спит ночами мой двойник.
Благослови меня распятием!
И освяти мой грешный путь.
Мне казнь твоя дороже платины —
Пронзи крестом немую грудь.
Где эшафот? Из-за тумана
Здесь ничего не разобрать.
Кровит разорванная рана —
Что ж, умирать так умирать.
Нога ступает по пустыне.
Но здесь же город! Что за бред?
Иль это сон? Но снов отныне
В песках сыпучих больше нет.
Я поднимаюсь вверх, на горы;
Где эшафот? Ну, подскажи!
Пойдём со мной. Оставим споры.
Казни костёр моей души!
Ты карты мне сдаёшь по новой —
И я проигрываю всё.
Меня спасал ты просто словом,
Но слово больше не спасёт.
С закатом день ныряет в вечность;
А за углом – осколки сна.
Да, я люблю бежать по встречным.
Я вот такая. Я одна.
А я люблю тебя! Ты слышишь?
Мне всё равно, что ты – другой.
Но ты и строчки не напишешь —
Я не нужна тебе такой.

Ты не серчай, не прогоняй,
Я не нарушу твой покой.
И как меня ни оживляй —
Меня сметёт твоей волной.
Тебя я называю Солнцем —
Тебя так мама нарекла.
Но солнце спряталось в колодце —
Мне в грудь ударила стрела.
Стрела в груди! Вот это чудо;
Я не ждала её сейчас.
Иди ко мне, родной Иуда,
Возьми свой нежный карандаш
И преврати меня в набросок.
Ненаречённая жена!
Я – тень, я – Бога отголосок,
Я у тебя теперь одна.
Наш бранный мир дрожит и жмурится,
Кусает, как собака, хвост.
Я не боюсь пойти на улицу:
Там – дым. Молчанье. Холокост.
Кровавый год, безумный год!
Взгляни наверх, на облака.
Но там я вижу эшафот —
Меня убьёт твоя рука.
Пятнадцать дней... Таких жестоких!..
Но их я прожила с тобой.
Мне не вернуть тех снов далёких —
Люблю тебя. Но ты – не мой.

Говоря с тишиной

июнь 2011 – 13 сентября 2011

Я говорила с тишиной,
А мне она не отвечала.
Кукушка била за стеной —
И одиночество звучало.
Отсчёт пошёл. И стрелки снова
Стучат по цифрам – тик и так.
Мне эта тишина знакома,
Ушла бы с ней... Да только как?
Я говорила с тишиной,
В ответ она не откликалась.
Сентябрь снова был со мной,
В окошко осень улыбалась.
Но тишина не может знать,
Как я дрожу, рисуя строчки.
Её оков не миновать,
Не вымолить себе отсрочки.
Я говорила с тишиной,
А мне она не отвечала.
Зима искрилась под луной,
А я сидела и молчала.
Паук в углу себе плетёт
Весь день тугую паутину.
Никто не вспомнит, не придёт,

Мне не отдаст и половину.
И в этой странной тишине
Любовь не выразишь словами...
Ты просто обернись ко мне —
Мои глаза расскажут сами.
Я – капля этой тишины,
Я звуков больше не хочу.
Мои молитвы не слышны,
И их не будет. Я молчу.
Я исчезаю с мониторов,
Я пропадаю без возврата,
Я обрываю телефоны...
Прости. Но я не виновата.
Я горло жгу прогорклым маслом,
Но боль меня не удивит.
Я жду всегда – и жду напрасно,
Но в сердце не ношу обид.
А я – распята на кресте,
И тишина не лечит ран.
Тревожно сердцу в пустоте,
Зубами клацает капкан.
Я говорила с тишиной,
А мне она не отвечала.
По пальцам тѣк осенний зной,
И тишина во мне молчала.
Я отдавалась тишине
Так, будто утро не настанет, —
И луч, мелькнув в моём окне,
Не разбудив меня, растает.

Под сенью выжженной листвы
Я вспоминала свои годы —
И ленту чёрную вдовы,
И слабый огонёк свободы.
Да что теперь? Стучат часы.
Начать бы здесь опять с нуля...
Искрится капелька росы,
И солнцем залита земля.
И всё, что так болит внутри,
Я это вынесу одна.
Смотри, какой рассвет... Смотри!
Благословенна тишина.
Безотрицательная верность...
Но не сбываются мечты.
Прости меня за откровенность,
Прости за то, что сделал ты.
Безотрицательность не в моде,
Но – Бог бы с ней. Не всё ль равно?
Я до сих пор не на свободе,
Но я всё поняла. Давно.
Я горло жгу прогорклым маслом,
Но боль не породит протест.
Я много лет ждала напрасно,
И эта тщетность – тяжкий крест.
И все мои черновики
Сгорят в костре, что ты зажжёшь.
Все эти беды так легки,
Я всё снесу... Но ты не ждёшь.
Кричала я – вернись, постой!

А тишина в ответ смеялась.
Затишье, как перед войной...
Что впереди? Что мне осталось?
И мы – объяты тишиной,
Смотри, как тонко моё платье...
Коль устоишь передо мной —
Не устоишь перед проклятьем.
А хочешь, куклой, куклой стану!
Но ты не слышишь ничего...
Кипящий воск течёт на рану,
Боль – равнодушнее всего.
Но я тебя не отрицала...
И, продолжая быть с тобой,
Я на тебя похожей стала,
А ты любил меня другой.
Летит неделя за неделей,
Какой-то глупый быстрый бег...
А в город птицы прилетели —
И наконец-то выпал снег.
Но космос слишком многогранен.
Тот, кто смеётся невпопад,
Тот, кто смеётся, не был ранен —
Он тишине не будет рад.
И я хочу тебе сказать,
Что мне не страшно это горе,
Я не боюсь тебя терять —
Пожалуй, я хочу покоя.
Я говорила с тишиной,
А мне она не отвечала.

Я повернулась к ней спиной...
Слов больше нет. Я замолчала.

Заточки

апрель 2011 – 18 июля 2011

Это не сон, а набор элементов,
Память вскрывает прощальные точки.
Щёлкают кадры, мелькают моменты,
Лица из тьмы проступают сквозь строчки.
Это не ночь, а безумье слепое,
Тщетная ложь, безрассветная правда.
Мука глупа – и бессмысленно горе:
Всё отлетит – и вернётся обратно.
Это не сон, это странное действо,
Я с того дня не умею молиться...
Бог не помог, совершилось злодейство,
Горло проткнуло невидимой спицей.
Я не дремлю, я смотрю за окно,
В нём отражён безголосый фонарь.
Страшное, чёрное, злое оно...
Я пропаду. Но кому меня жаль?
Я разобьюсь. На осколки, на лёд.
Птицам бескрылым так трудно летать...
В море бездонном никто не найдёт,
В вихре безумном концов не сыскать.
Тень пробегает. Из тьмы – силуэт.
Кто там? Не прячься, ответь, не молчи!
Я в хаотичном мелькании лет

От собственной жизни теряю ключи.
Всё бесполезно. И всё – пустота.
Страх забирает немую печаль.
Я бы хотела пожить. Но когда?
Времени нет. Но и это не жаль.
Я бы хотела остаться собой,
Той, что отчаянно любит и ждёт.
В прах превращусь. А рассвет голубой
Песню-молитву тихонько споёт.
Где ты сейчас? Я устала просить.
Голос сорвался. Я таю. Прости.
Лопнула нитка. Не соединить.
Я ухожу. Не мешай. Отпусти.
Странная ночь! Ничего не вернёшь,
Жизнь колобком укатилась куда-то.
Я не нужна. Ты меня не зовёшь.
Время стирает ненужные даты.
Красное солнце в прожаренном небе.
Что тебе я? Не найти, не догнать.
Птицы замолкли, тоскуя о хлебе.
Где ты? И с кем ты? Мне хочется знать.
Ты – моя память. Острее ножа!
Я – как актриса немого кино.
Но – доживу. Не спеша. Не дыша.
Лето – не вечность. Пройдёт и оно.
Ты – моё солнце. Не гасни, не тлей!
Яркой звездой освети мне дорогу.
Вот бы мне осень, сентябрь скорей!
Вот бы мне жить... Ну хотя бы немного!..

Это не сон, а набор элементов.
Мысли качаются, путая строчки.
Щёлкают кадры, мелькают моменты,
Искры летят, раскаляя заточки.
Это не жизнь, а ходьба по кругам.
Калейдоскоп. И бесчувственность дней.
Твёрдость земли не поддастся ногам.
Ты не поддашься молитве моей.

Чужое небо

15 августа 2010

Под жарким солнцем Еревана
Бродила я немало лет.
Как соль испепеляет раны,
Так жёг мне сердце твой портрет.
Несла в руках. Устали руки —
Не отпускали ни на миг.
Тысячелетия разлуки.
И вместо слёз – безмолвный крик.
Мне солнце выжигало душу,
Оно слепило мне глаза.
Но ты, родной, меня не слушай...
Старуха здесь. А где коса?
Под знойным ереванским небом
Просила милостыню я.
Мне иногда кидали хлеба...
Одна еврейская семья
Меня на месяц приютила —
Кормили, мыли, все дела...
И знаешь, я совсем забыла,
В каком краю моя земля.
Где дом? Но, впрочем, что он значит?
Мне без тебя не спится вновь...
Ах, погадайте на удачу!

И непременно на любовь.
Не повторяй чужих ошибок!
Но как мне их не повторить?..
И я шепчу тебе – спасибо...
За то, что я могу любить.
И сила есть... Но где пути?
Как мне найти к тебе дорогу?
Не откреститься, не спасти,
Не вымолить тебя у Бога.
И люди смотрят как-то странно...
Для них чужая я совсем.
Что вам, друзья, чужие раны?
И боль чужая вам – зачем?
Ищу тебя который месяц,
Совсем без сил... Да ну и пусть!
Вокруг звучат чужие песни,
Но их я знаю наизусть.
Мне Ереван дарил цветы,
А дома – голая пустыня;
Цветы – безумной красоты...
Твоя земля – моя святыня.
Я, милый, в кровь разбила ноги,
Но я хочу тебя найти.
Трудны, безжалостны дороги,
Не раз сбивалась я с пути,
Но я брела без остановок,
Ты был так нужен мне, родной...
Нелёгко путь... Тернист и долг —
Иль умереть, иль быть с тобой!

Но ты скрывался, как виденье.
Измучилась... И нет воды...
О Боже мой! Да где ж спасенье?
Ну отведи же от беды!
Спаси меня! И дай мне веру
Во всё, что я сейчас люблю.
А я люблю, не зная меры...
Ярываюсь, я горю!
Увидь костёр и дай мне знак;
Скажи, что поиск не напрасен!
Мне до тебя всего лишь шаг —
Ты так красив, но так опасен...
Нет, наважденья не унять,
И в теле дрожь привычной стала.
Позволь же мне тебя обнять!..
Я столько лет тебя искала...
Я для тебя – далёкий звук,
Ты вспоминал меня нечасто...
Тебе не больно от разлук,
И все мои слова – напрасны.
Развернись, бездна! И накрой
Всё то, что бьётся в каждой капле.
А Ереван опять со мной...
Он пустотой, он горем пахнет!
И что с того, что я на воле?
Я как в темнице, как в аду.
Да сколько ж ждать? Скажи – доколе?
Нет сил, любимый. Я уйду.
Пойду домой. Глядишь, смогу

Найти тот край, где я жила.
В остатках сердца сберегу
То, что земля твоя дала.
А впрочем, дома больше нет.
Ни Еревана нет, ни дома...
А впереди – слепой рассвет,
А позади – раскаты грома.
Но тем не менее – пойду.
Туда, где солнце в рожь садится;
И там, в России, обрету
Покой, которым долго спится...
Стоят столетние дубы,
А пчёлы мёд приносят в улей.
И нет прекрасней той зимы,
И нет душистей трав в июле.
И к чёрту все мои мечты!
Зачем дудук? Давай гармошку.
Я растоптала все цветы:
Была с тобой, а стала – кошкой.
Я буду жить. Но перестану
Хранить в душе чужой язык.
Не нужно больше Еревана —
К таким, как я, он не привык.
Не ждёт? Ну, в общем, и не надо.
Я тоже перестану ждать.
Ты никогда не будешь рядом —
И нечего тебя искать.
Ты лучше всех – я это знаю;
И верность – лучший мой ответ.

Но всё прошло, и сон растаял —
И Еревана больше нет.

Жёлтый дом

7 июня 2011

Я беззащитно падала в объятия,
А за окном сверкали фонари.
А на полу комком лежало платье,
А на карнизе щебетали снегири.
А снег пушистый резал мне ладони,
И память, как клубок, за мной вилась.
Я вновь была с тобой – всё в том же доме,
Где той зимой звезда моя зажглась.
Он помнит многое, тот ветхий жёлтый дом.
Он помнит дни, когда я приходила,
И тени тусклые, и отзвуки кругом,
И тот огонь, что я в тебе будила.
И ту любовь, что странно так пришла,
И нежность, что не вовремя случилась,
И утро, когда я почти нашла...
И вечер, когда тайна зародилась.
Пускай кричат! Что злые языки...
Мне всё равно. И я опять бреду
Туда, где всем сомненьям вопреки
В твои объятия беззащитно упаду.
Твоя! Весь мир вот в этой строчке.
И ты не бойся, я тебя не утоплю...
Поставлю запятую вместо точки,

Я эти точки, знаешь, больше не люблю.
И вот иду я по протоптанной тропинке,
Её не замело за много лет.
А на столе твоём опять лежат пылинки,
А из-за шторы золотится тусклый свет —
То из домов, что там стоят напротив.
Я помню их. Но толку нет и в них.
Сейчас я здесь: безумный рокот плоти
Сливается в таинственный мотив.
Дай руку мне! Хороший мой... Скучала...
С тех пор жила мечтой о нашей встрече.
Ты знаешь, я давно не замечала,
Как нежен и красив московский вечер.
И я с тобой... Твой дом меня впустил.
Я, как тогда, юна и так красива...
Твой дом меня дождался и простил —
Я столько лет прощения просила...
Я беззащитна в этом пламенном бреде,
Я беззащитна, как тюльпан в разбитой вазе.
Я поднялась. Я знаю. Я иду!
Ты оборвёшь мой стон на этой фразе.
И в бесконечности расплавленных ночей,
В бредовой сладости осколочных объятий
Я загораюсь ярче всех свечей —
И вновь комком летит под ноги платье.
Оно здесь лишнее. Долой его, долой!
Оно – как птица, расщеплённая на части.
Всё та же я. И мне не быть другой.
Я – сила снов. Я – карта красной масти.

Я та, что всем словам наперекор
Жила и верила, что всё ещё случится...
Нам вновь зима плетёт святой узор —
И снова жизнь в окно ко мне стучится.
Не берегись! Паденье слаще воли,
И мы с тобой пройдем сквозь все границы...
Я вновь хочу той нежной сладкой боли,
Какой тогда жила. Целуй мои ресницы!
А жёлтый дом запомнил навсегда
Наш странный сон, что невпопад приснился.
И знаешь, это вовсе не беда,
Что сон таким недолгим получился.
Что нам года? Опять зима искрится —
И вновь декабрь нас ждёт у фонаря.
Спешу в тот дом, чтоб вновь тебе присниться —
И беззащитно падать вглубь тебя.

Звезда

18 июня 2012 – 7 июля 2012

Переворачивая город,
Я шла вдоль скошенных домов,
И грыз меня колючий холод,
Друг остывающих дворов.
А вьюга режет мне ладони,
И я чуть слышно бормочу,
Что я укрылась от погони,
Что я жива, что я лечу.
Я здесь встречаю поезда,
Но жизнь не принесёт подарка.
Горит под колпаком звезда,
Горит так трепетно, так ярко...
Вот перерезал путь извозчик,
И птица надо мной взвилась,
И нитка, впившись в колокольчик,
Нечаянно оборвалась.
Зима была такой правдивой
И так хотела побеждать,
Она такой была красивой,
Что не хотелось отпускать.
И тут в снегах мелькнула ты.
И этот странный зимний вечер
Твои мне показал черты

И твои страшные увечья.
Твоё лицо под колпаком,
И ничего с ним не случится,
Но фокус – он совсем в другом,
В том, что твоё лицо мне снится.
Оно навечно предо мной.
Да только ты не говоришь...
А крылья – те не за спиной,
А там, где ты в земле лежишь.
Моя немая красота!
Перед тобой я виновата
В том, что мирская суета
Тебе назначила расплату.
Слаба я так же, как и ты,
Откуда столько горя?
И мне не перейти мосты
И не увидеть моря.
Мне говорят – тебе не встать,
И не мечтай об этом дне,
Пойми, не всем дано достать
Рукой до лучика в окне.
Мне говорят – ну ты же кляча!
Летать не сможешь никогда.
Да, кляча я, и это значит,
Что расточительна беда.
Одна ведь точно не приходит,
С собою позовёт подруг,
Потом их за порог проводит
И нарисует чёрный круг.

А я стою в том круге молча,
Не разрушая волшебства.
Какая ж это, к чёрту, порча?
В том нет ни тени колдовства.
Твоя рука тот круг рисует,
А я опять сижу и жду,
Когда же буря отбушует —
И зачеркнёт мою беду.
А я сижу и тихо прячу
В своей руке остатки хлеба.
Я ничего уже не значу
Для кровью залитого неба.
Но я была одной из тех,
Кто продолжал всегда смеяться —
И делал так, чтоб этот смех
Не вздумал смерти покоряться.
А я встречала поезда,
Ждала тебя перед войной.
Горит под куполом звезда,
Я не отдам тебя – ты мой.
Но кто меня о том спросил?
Чего хочу, чего боюсь...
Да где же взять мне столько сил —
И не кричать, что я сдаюсь?
Как мне лицо её забыть,
Как мне тоску твою унять?
И как без воздуха прожить —
Опять без воздуха, опять?
Куда глядит мой третий глаз?

Едва стою, едва держусь.
Как мне вернуть тебя – сейчас?
Неужто больше не дождусь?
Тебя хватая за рукав,
Кричала, чтобы ты остался.
Ты оттолкнул, поспешно встав,
И больше в двери не стучался.
И я встречаю поезда,
Завесив окна чёрной тряпкой.
Горит под куполом звезда —
Так стало страшно мне, так зябко...
Горит звезда под колпаком.
Война не может быть священной.
Я слёзы вытерла платком —
Вдова раздробленной вселенной.

Расстрел

15 марта 2008

Сердце хрустнуло. Треснуло. Крылья сломались.
Нарисуй мой портрет – чтоб хоть что-то осталось.
Возьми холст, возьми краски – рисуй свою Ночь.
Я чужая для вас. Прогони меня прочь.
Я тебя не спасла, я к тебе не пришла,
Я другую, чужую, дорогу нашла.
До меня ты сквозь смерть дотянулся рукой.
Никогда больше ты не вернёшься домой.
Мне сказали – приди, мне сказали – убей,
Отвернись, развернись и стреляй в голубей.
Я нажала курок: всюду кровь, всюду боль,
А из солнца за шиворот сыпалась соль.
Я бежала сквозь дождь, я летела сквозь сон,
И уже никогда не закончится он.
Возвращайся. Вернись! Задуши же скорей.
Я в то утро стреляла в твоих голубей.
Ты постой, не бросай, расскажи мне о море,
Расскажи мне про то, как мне выплакать горе.
Ну куда ж ты собрался? Я буду твоей.
Мне уже никогда не стрелять в голубей.
Я ушла в пустоту, я пришла в твою ночь,
Я лишь тень, я никто – не жена и не дочь.
Я люблю, но уйду, я хочу, но боюсь,

Я взлечу до луны, а потом разобьюсь.
Я бежала сквозь тьму, я взяла пистолет,
Но вдруг кто-то сказал, что тебя больше нет.
Я теряла тебя под вуалью ресниц,
И тогда я взяла и убила тех птиц.
Вдруг вернулся. Откуда? Ты мне не сказал.
Взял ружьё, взял меня и рассвет расстрелял.
Секс как смерть, страсть как порох – что сердцу милей?
Всё равно я убью всех твоих голубей.
Разогнался – и в ветер. Коверкай мечту!
Всё равно я уйду за тобой в пустоту.
Что за шум? Это смерть, это кровь этих птиц.
Вместо стаи – лишь сотни поломанных спиц.
Сколько лет ты скитался со мной по равнинам,
Думал ты, что попал, но – смотри: снова мимо.
Всё равно до конца не убить твоих птиц.
Вместо жизни – лишь стопка измятых страниц.
Хоть ты сжёт весь мой разум, я истину знаю.
Если бросишь меня – я тебя расстреляю.
Ты – венец мироздания, ты – Бог, ты – Мужчина,
Подчиняй же меня, не то – выстрелю в спину.
И всю ночь – непрерывно, безумно и сладко —
Ты пил мою кровь, мою нежность украдкой.
И с губ моих в бездну срывается стон,
Я встаю на колени – прими мой поклон.
Я – Женщина, я – твоя главная птица,
Позволь мне взлететь – иль позволь мне убиться.
Позволь мне быть слабой, послушной рабой,
Позволь же, позволь стать твоею судьбой.

Растерзай, разрывай, выпивай мои соки,
Стань бездушным творцом – бесконечно жестоким.
И бери меня силой – не слушай мольбы:
Ты ведь знаешь – не нужно мне лучшей судьбы.
Мне не нужно от жизни ни роз, ни шипов.
Я убила тебя строчкой этих стихов.
Уходи. Закрой дверь. Я не буду твоей:
На рассвете я вновь подстрелю голубей.

Судьба ничего не даёт навечно

5 октября 2009

*Всего одна звезда льёт свет на город медный
Сквозь тень твоих ресниц
Да уличный трамвай бросает отсвет бледный
На грязных жалких птиц*

*А блики грез твоих в моих глазах дрожали
И кто-то пил зрачки
Как рыжие грибы горелки освещали
Изгиб твоей руки*

*Вон высунул язык фигляр дразня лентяя
И мёртвый умер вновь
Апостол на суку висит слюну роняя
Сыграем на любовь*

*Пел колокольный звон о Рождестве и жертве
О погляди
Цветами устлан путь и пальмовые ветви
Ждут впереди*

*Орёл слетел с небес где ангелы белеют
Подайте руку мне
Не трогайте огней пускай дрожат и тлеют*

© Гийом Аполлинер, «Вечер»

Я преклоняюсь. Я не спорю. Я безвольна.
Подай мне руку. Слово молви. Оглянись.
И крика нет. Я безголоса. Я спокойна.
Прочти. Пойми. Услышь. Прости. Вернись.
Храни меня от бурь, летящих мимо,
Храни меня от горя и тоски.
И у слепого старого камина
Сжимай мои бессмертные виски.
Я жду тебя – пои меня печалью,
Открой мои бессмертные глаза.
Целуй их под разорванной вуалью,
Пока из них не выльется слеза.
Читай мне слог за слогом эпос древний,
Шепчи, смакуй бесстыдные слова.
Нет всё равно души моей бессмертней —
Меня бессмертной сделала судьба.
Тоскуй, кричи о том, что слишком мало
Отпущено скитаться по земле.
Молчи о том, что это – лишь начало
Для всех, кто растворился в серебре.
Сквозь глубину веков буди живые души,
Сквозь расстояния сжигай мою тоску.
Я вновь кричу, но голос так простужен,
Что звуки просто тают на снегу.

О, где ты, где? Плени мои надежды;
Я пред тобой стою в священной наготе.
Ведь мы давно одни, и сброшены одежды,
И струйки шёлка заискрились в темноте.
Мне иногда в часы рассвета сводит горло,
И ржавый нож впивается в ребро.
Я отдала тебе судьбу свою покорно,
А ты ушёл, испепелив нутро.
Не возродишься ты из пепла белой птицей,
Мне на коленях нацарапаешь «прощай».
Прорежешь путь мой заржавелой старой спицей
И опоздаешь на последний свой трамвай.
И прошлое ко мне не возвратится,
Уже навек расплетена моя коса.
Разрушен дом, и негде приютиться —
И только вороны клюют мои глаза.
Взметнись, молва! Покрой меня позором;
Я не боюсь ни дерзких слов, ни клеветы.
И я не дочь, не женщина – я ворон;
Расколдовать меня не сможешь даже ты.
Когда и где еще теперь такое будет?
В последний раз сидим на этом берегу.
Волна сметёт с песка сплетенье наших судеб,
И наших жизней след растает на снегу.
Люблю тебя. Услышь меня! Помилуй.
Но лишь деревья мне кивают головой.
А что вон там? Уж не твоя ль могила?
Нет, я не верю. Нет, не ты. Нет, ты живой!
А я бегу, я всё бегу навстречу звёздам,

Я выживаю столько лет судьбе назло.
Ты уже умер или просто не был создан?
Ответа нет. Не отвечай. Мне всё равно.
О плен! Кусок моей замёрзшей плоти
Скитается по миру драным псом.
В пустыне утром воздух так безводен...
Нет! Быть того не может. Это сон.
О, смилуйся! К тебе простёрла руки,
Тебя зову в молитве по ночам.
Но для тебя моя мольба – всего лишь звуки,
И лишь песок струится по плечам.
Прими мой дар! Замёрзло в стужу сердце.
Я потерялась на начертанном пути.
Впусти к печи, позволь же отогреться —
Мой дом разрушен, больше некуда идти.
Я разбросала руки в странном танце,
Я окунулась в прорубь ада с головой.
И ты меня прогнал, велел мне убраться —
И за порог на стужу выставил нагой.
В метелях яд! И в целом мире нет спасенья.
Я задыхаюсь в этом городе ночном.
И жизни нет, и даже не было рожденья —
И только птицы умирают за окном.
О, поклянись! Что имя начертаешь
Моё ты сквозь века на каменной скамье,
На той, что в том саду стоит, ты знаешь —
В том незабвенном вечно белом декабре.
Вернись в мой дом! Я так устала плакать —
За мной всегда крадётся следом твоя тень.

Я – как изодранная вшивая собака:
Ты подобрал меня и бросил через день.
О красоте моей кричит от века к веку
Твоя истерзанная алчущая плоть.
Возьмёшь ты больше, чем доступно человеку, —
Тебя Мужчиной в этот мир привёл Господь.
Прости меня! Прости, что я устала;
Прости мой грех – я не смогла тебя забыть.
Прости за то, что это написала.
Прости за то, что не сумела разлюбить.
Ты мне сказал: коль я иду – за мной иди,
Ты мне велел: коль упаду – меня убей;
А если я умру – то мсти, родная, мсти.
И в память обо мне хрустальный шар разбей.
И вот, ищу весь век Священный твой Грааль;
Лишь приближаюсь я – он прячется от взора.
Одна брожу по миру – мне прожитых лет не жаль,
Я не страшусь ни бед, ни смерти, ни позора.
Да где ж ты, а? Я не могу так больше.
Я так устала ждать тебя по вечерам...
Слёз больше нет, и с каждым днём всё горше,
Но объяснять нет сил. Вернись – увидишь сам.
Давай поделим жизнь? Я пополам готова:
Куска мне хватит – я второй отдам тебе.
...Но не нужна совсем, и ты уходишь снова...
А я в лицо смеюсь своей слепой судьбе.
А ты молчишь! Не хочешь мне ответить.
И все мольбы мои, все сны мои бесплодны...
...И столько лет прошло, но ты не смог заметить,

Что я люблю тебя. Но – впрочем – как угодно.
Да, я люблю тебя! Впусти... Позволь остаться!
Промокли ноги – дай погреться у огня!
Я падаю, нет сил, мне не подняться...
Нам не услышать на рассвете соловья.
Наотмашь бей! Твоё сбывается проклятье.
Я брошу всё, я всех предам – клянусь. Вернись!
Я так слаба... Стою во тьме перед распятым,
Я сквозь огонь кричу. Любимый, отзовись!
Закончен бал, и жизнь уже не будет дважды,
И что купить нельзя – то не продашь.
Ты всё равно уйдёшь сквозь дождь однажды —
Меня ты вместе с родиной предашь.
Тебе молюсь! Других богов не знаю;
Перед тобой склонюсь в поклоне я немом.
Зима пришла – я, милый, замерзаю...
И мёртвый ворон на столе лежит моём.
Я не смогу забыть... О, не проси, не требуй!
Ты создал этот мир подобно Богу.
Вот поле. Я одна стою под небом —
Ты не позволил отыскать к себе дорогу.
И всё, что я пишу в своих стихах,
Искристым льдом застынет на твоей земле.
...И чувствую, что силы больше нет в ногах...
Я падаю.
Молитесь обо мне.

Герда

22 декабря 2011

Моему дорогому хирургу

Ты моя ледяная Герда,
Ты моё ледяное пламя.
Ты считала меня бессмертным,
Но – земля разлеглась под нами.
Ты считала меня всесильным,
А я звал тебя просто – кролик.
Говорила, что я красивый,
А я был просто жалкий нолик.
Ты считала, что мои руки
Могут всё. Только ты не знала,
Как во тьме беспросветной муки
Моё сердце холодным стало.
Ты мечтала, что я руками
Создам то, что никто не смог,
Что, спасая тебя кусками,
Я сошью тебя, как платок.
Что свяжу тебя острой спицей,
Что я сотку я тебя, как шаль,
Что взлетишь ты и станешь птицей.
Но ведь я – не волшебник. А жаль!

Ты хотела, чтоб я однажды
Воскресил тебя взмахом пера.
Говорила – с тобой мне не страшно...
Но ведь жизнь – это просто игра.
Мне здесь тоже, мой кролик, душно.
И я так же, как ты, слаб.
Знаешь, мне ничего не нужно,
Ни наград, ни вина, ни баб.
Потому что внутри – горе.
Потому что молитвы – пусты.
Я не смог бы сказать о боли
Так, как делаешь это ты.
Вот и всё. Даже слов не надо.
Я не тот, кто оценит слова.
Просто сядь и сиди со мной рядом.
Просто будь. Будь всегда – жива.
Меня тоже зашить бы снова,
Распороть – и все эти части
Так сложить, чтобы стал я богом,
Чтобы в мир нёс не боль, а счастье.
Но ведь нет такой хирургии,
Чтобы заново склеить судьбы.
Мы не станем с тобой другими,
Иной жизни для нас не будет.
Мы с тобой вот такие, кролик.
От себя я тебя отнимаю —
Получаю ничтожный нолик.
Что ты любишь во мне? Не знаю.
Мне разрежь и зашей душу,

Скальпель в ручках твоих – диво.
Ты всегда и всё знаешь лучше,
Ты всегда и во всём красива.
Я болею, малыш, болею,
Ты со мной свою нежность губишь.
И любить я тебя не умею,
Но ведь ты за двоих – любишь.
Ты роди от меня – сына.
В череде бесконечных ночей
Не хотела ты быть счастливой,
А хотела ты быть – моей.
Ты моя ледяная Герда,
Навсегда со мной лик твой милый.
Я не смог стать с тобой бессмертным,
Ты со мной не смогла стать сильной.
Я – факир на пустой арене,
У меня ни ножей, ни ниток.
Я когда-то горел сильнее,
Но и то навсегда – забыто.
Я не смог дать тебе беспечность,
Но ты вовсе её не просила...
Для чего нам обоим вечность,
Коль и так живём через силу?
Я тебя не спасу. Ты тоже!
Но, ты знаешь, не в этом суть.
Ты меня на десятки моложе...
Кому первому нужно уснуть?
Жизнь полна лабиринтов случайных,
В них непросто ходы отыскать.

Не шепчи ты мне слов прощальных,
Я тебя не готов отпускать.
И меня не суди, родная.
Я опять поднимаюсь со дна,
Всё в порядке. Я точно знаю —
Для меня ты навек – одна.

Песня о Москве

9 августа 2010 – 6 февраля 2011

По лабиринтам сонных лет
Ползу, как змеи по пустыне.
Вот человеческий скелет,
Вот муха гибнет в паутине...
От соли треснули глаза,
А солнце ослепляет память.
Ах, если бы сейчас гроза...
Ах, крылья бы сейчас расправить...
Мне снится чёрная дыра,
Мне снятся странные созвездья,
Стираться, исчезать пора...
Беда чернеет сквозь столетья.
А я – сапожник без сапог.
Окно пустое. Без надежды.
А над Москвой поднялся смог —
Грят безликие одежды.
Да что ж ты, сердце, не уймёшься?
Тебя давно растёрли в пыль.
Да ты, Москва, гляжу, смеёшься!
Отдай же нищему костыль!
А в магазинах соль пропала —
То, говорят, перед войной.
А я всё жду. А мне всё мало!

Я жду тебя. Пойдём домой?..
Вот дядька, старый армянин,
Сидит в пыли, прося копейку.
А над Москвой поднялся дым;
Полейте город наш из лейки!
Залейте трусость и обман,
Безликость, глупость и безверье.
И это вовсе не туман —
Господь нас бросил, хлопнув дверью.
Москва в дыму! И это знак.
Наш город ненавистью сносит!
Отдайте нищему башмак
И дайте грош тому, кто просит.
Москва в огне! Вот это да.
Здесь больше невозможно жить.
Мешки с деньгами – ерунда:
На деньги душу не купить.
Взгляни вокруг! Горит Москва!
Вот это день, вот это драма!
Испепеляется трава,
Трещат колокола у храма.
И жизнь, сгущая едкий дым,
Мою Москву не пожалела.
А дядька, старый армянин,
Недавно помер. Вот ведь дело!
Я, с позволения сказать,
Здесь тоже, в общем-то, не дома.
И с дядькой, что в пыли сидел,
Я лучше, чем с Москвой, знакома.

И без него не мил мне город,
Душа Москвы давно мертва.
Я подниму шершавый ворот
И – прочь отсюда. Навсегда.
Я в подражание тебе
Ловлю синиц на синей крыше.
Я вою волком при луне,
Кричу, а ты меня не слышишь.
Пробел – зияющая рана.
Ты что-то не успел понять...
Мечта теряется в тумане...
И не забыть, и не догнать.
Я не прощу тебе разлуки,
Не жди, что я к тебе вернусь.
Я поднимаю к солнцу руки —
Не бойся, я не обожгусь.
И что мне жизнь? Сплошное горе.
Клади мне память на ладонь!
Но я жива. И я не спорю:
Терновник лучше, чем огонь.

Невозвращённое

27 августа 2008

...И что с того, что розы пахли мёдом?..
Весь век пройдёт, лишь ты махнёшь рукой.
Мы не успели вновь за хороводом,
И снится нам кладбищенский покой.
А где-то жизнь, похожая на вечность,
А где-то жизнь, похожая на сон.
За всю твою неистовую нежность,
За всю любовь – прими от нас поклон.
И где теперь улыбки дней нетленных?
Где золото бенгальского огня?
Где свежесть тех мечтаний сокровенных,
Что с юных лет так тешили меня?
Где солнца свет, где звуки старой скрипки,
Что на рассвете трогали до слёз?..
От тех мостов остались только нитки...
Да лепестки в ладонях вместо роз.
Дорог пройду немало я на свете,
Но я клянусь, что я тебя найду.
...И радуюсь, как радуются дети —
Я радуюсь тому, что я иду.
Иду я вслед за солнцем громогласным,
А по ночам я с соловьем пою...
Иду к тебе – ведь мне уже всё ясно:

Мне ясно то, что я тебя – люблю.
Открой же мне любую из страничек,
Чтоб сердцу раньше срока не сгореть.
...И ночь уже, и нету больше спичек,
Чтоб смерзшиеся пальцы отогреть.
Я всё бреду, и силы на пределе —
Да где же ты? Да где ж тебя найти?
Вдруг вижу: ты стоишь среди метели.
Пришла. Нашла. Мне больше не уйти.
И лопнула струна души усталой,
И высохли бездонные глаза.
Любовь моя, ты стала запоздалой —
Любить тобой теперь уже нельзя.
Всё кончено, но только не сгорает
Твой огонёк надежды для меня.
...И жизнь прошла, но всё-таки летает
Средь нас душа бессмертная твоя.
Давай смотреть, как листья в хороводе
Сплетаются в хрустящий водопад.
Ты знаешь, а любовь теперь не в моде...
Но я люблю, как сто веков назад.
Я снова вижу нас на старых фото —
Я боль твою читаю по глазам...
Но всё пройдет, и кончатся заботы,
Ведь жизнь – игра, и ты не верь слезам.
Какой в них толк? Нам не начать сначала.
В них смысла нет – ведь жизнь, как миг, пройдёт.
Умолкнет то, что пело и плясало,
Мы все уснём, и время все сотрёт.

И будет жизнь, и будет всё, как прежде —
Костёр сгорит дотла в вечерней мгле.
Меня... меня – такой живой и нежной —
Когда-нибудь не станет на земле.
Давай, давай смотреть на арлекинов:
Мы – дети. Пусть завидует толпа.
Пускай ножи вонзают в наши спины;
Толпа – ничто, и лишь любовь права.
Года бегут: увы, меня не лечит время.
А за окном всё та же суета...
Так пусть в сердцах и душах поколений
Живёт твоя безумная мечта.
Пусть люди вспоминают наше время,
А верности моей завидует сам Бог.
Перед твоей душой я пала на колени —
Ты долго ждал... Но выдержать не смог.
Прости меня за всё, что с нами было,
Прости за то, что я смогла в тот день уйти.
Возможно, я не так тебя любила —
Не так, чтоб исцелить или спасти.
А что теперь?... Теперь мой плач напрасный,
Я не смогу сказать тебе «люблю»;
И этот шёпот свой – нелепый и бессвязный —
Ещё не раз в безумье горьком повторю.
Закрылась дверь. Куда ушли былые краски?
В окне – отчаянье и нежность сентября.
Вернись домой. И расскажи мне сказку.
Вернись, пожалуйста. Мне плохо без тебя.
Люблю тебя. Вернись из ниоткуда,

Пройди сквозь сон и снова будь со мной.
Я буду ждать тебя, я буду верить в чудо.
Я смерти не отдам тебя: ты – мой.
Я буду ждать тебя веками на скамейке,
Которую ты сделал для меня.
Я буду поливать твои цветы из лейки,
Я буду жить. И буду ждать тебя.
И буду вновь, как прежде, у окошка...
Я буду той, что так тебя любила...
Ты лишь прости, прости меня немножко.
И знай, родной, что я тебя простила.
Да, жизнь была – ревела и плясала,
Но время всё меняет – я одна.
Фонарь разбит. Собака завывает.
В окно глядит бездомная луна.
Судьба идёт ко мне по белым крышам,
В её руках – зловещий приговор.
Я всё сижу... И сердца стук всё тише...
И вот уже палач занёс топор.

У подъезда красивого дома

16 июня 2013

У подъезда красивого дома
Я стоял, опираясь на трость.
Всё казалось мне очень знакомым,
Только я здесь теперь – просто гость.
Вдруг к подъезду подъехали сани,
А из них – силуэты во тьме.
Так вот странно мы встретились с Вами
Вопреки безголосой судьбе.
Я узнал Вас, хоть Вы изменились,
Я узнал потому, что влюблён,
Но не в Вас, а в те сны, что нам снились,
И в ту жизнь, что в реальности – сон.
Вы, конечно, устали изрядно —
На лице дуновение мглы.
Только мне до сих пор непонятно,
Как на скрипке играть без струны.
Вы, конечно, и нынче в расцвете
Своих вечно порхающих лет,
Но неясно, как прелести эти
До сих пор не разрушил рассвет.
Вы, конечно, меня не узнали,
Только тем нелегко удивить.
Ослепительно ярко сияя,

Вы едва ли умели любить.
А сегодня ведь всё, как и прежде?
Ведь и он для Вас тоже лишьмышь?
Но его бестолковой надежде
Прежний пыл уже не сохранишь.
Эти грабли давно отзвенели
По смурным и напыщенным лбам.
Ты звезда, но на самом-то деле —
Лепесток, что скользнул по губам.
Мне, конечно, с тобой не тягаться,
Красотой затмеваешь ты всех.
Но навечно не сможет остаться
Этот праздный недолгий успех.
Ты со мной уже не повторишься,
Это лишь отголоски мечты.
Как и прежде, ты дымкой кружишься
Над снегами мирской суеты.
Ты, как прежде, жива и желанна,
И тебя не осудит никто.
Ты, как прежде, пуста и обманна
Под своим бесподобным пальто.
Уходи по извилистым тропам
И живи, как всегда, на бегу.
Пусть вздыхает слепая Европа
По тебе – дорогому цветку.
Я уйду от красивого дома,
Опираясь на гнутую трость:
Мы с тобой слишком близко знакомы,
Чтоб теперь я был больше, чем гость.

Словами и строчками

февраль 2010

О всех влюблённых, страждущих во сне,
О всех нещадно убиенных в предрассветной тишине,
О всех тревожных, ропщущих, забытых,
О всех среди воды и мрамора убитых,
О соловьях, что под окном поют,
О том, кто жив ещё, но и его убьют,
О всех убийцах, пленных и героях,
О всех насмешниках, страдальцах и изгоях,
О всех идущих вдаль по выжженным лугам,
О всех, кто вызовы бросал богам,
О всех несчастных, о сиротах, о вдове,
О птахе, что сидит на рукаве,
О твоём имени, что я произношу,
Я губы приоткрыла – я грешу,
Я душу распорола – но не каюсь,
Иду я по песку, но спотыкаюсь.
Тебе, твоим воздушным белым зимам,
Тебе, твоим святым сединам,
Тебе, твоим наскazanным словам,
Твоим незамерзающим слезам,
О тех плечах, что жизнь мою держали,
О тех огнях, что в воздухе дрожали,
О тех огнях, что путь мой освещали,

О тех зрочках, что путь мой освящали,
О той весне, что досыта питала,
О той вине, что по ночам пугала,
Молюсь сегодня я в безликой тишине.
Мне говорят – забудь! Но это не по мне.
Я боль твою читаю по глазам.
Но я и тишину отдам,
И всё, что скажешь,
Я буду той, кем ты мне быть прикажешь.
Я – Женщина, я Богом проклята;
Я – вера и любовь, но в этом и беда,
Я – птица, но я крыльев не найду,
Пройду одна – в безумном огненном бреду,
Пройду одна – по всем дорогам мира,
Вот говорят – не сотвори кумира,
Мне говорят – казни, помиловать нельзя,
За что же так жестоки вы, друзья?
Мне говорят – уймись, не требуй много,
Мне говорят – засыпана дорога,
Мне говорят – дорогу не найти,
И это – правда. По канату не пройти.
Мне говорят – его ты не найдёшь,
Но верю я, что ты ещё живёшь.
Был красотой, а стал моим изъяном,
Ты был мечтой, а стал незаживлённой раной,
Ты был бессловной правдой, солью неба,
Соль хороша, но трудно есть её без хлеба...
Я – Женщина! Любить я не боюсь;
Ты думал, я кричу, а я смеюсь!

Я – Женщина! Меня ты не поймёшь.

Я – та любовь, которой не вернёшь.

Ты потерял меня в бессмысленной борьбе —

Но знай, что я молюсь лишь о тебе.

Пожалуйста, не надо говорить

18—20 сентября 2012

Пожалуйста, не надо говорить.
Ведь я звезда, расколота горем,
Я узница, зачатая в неволе, —
Пожалуйста, не надо говорить.
Пожалуйста, не надо обрывать
Те нити, что так крепко завязала,
Пожалуйста, позволь нарисовать
Тот мир, что я хочу создать сначала.
Пожалуйста, не нужно объяснять,
Как проходить по скомканному следу.
Я, кажется, сумела обменять
Все карты на одну твою победу.
Пожалуйста, приходи ко мне один.
Я даже не молось о счастье этом.
И подними меня опять до тех вершин,
С которых так легко тянуться к свету.
С которых я могу весь мир обнять,
Но делать это ни за что не буду.
Мне б твою руку крепко так прижать
К своей руке. И я про всё забуду.
Прошу тебя, не спорь со мной теперь,
Я так устала слышать перезвоны.
Душа в калач свернулась от потерь,

В себя приняв жестокие законы.
Пожалуйста, не спорь со мной совсем.
Ты знаешь, я уже не столь сильна...
Зачем ты так, о Господи, зачем?
К чему мне всё, раз я теперь одна?
Пожалуйста, не трогай этот вечер —
Он так красив, я так его ждала...
Да, я молчу, да, отвечать мне нечем.
Я подошла к тебе и обняла.
Пожалуйста, не отводи тех рук,
Которых мне и небо не заменит.
Пожалуйста, послушай этот звук,
Который зазвучал – и не истлеет.
Услышь, что я люблю тебя. Прошу.
И мне неинтересно, что там завтра,
А прошлого давно не ворошу —
Мне важен только ты. И это правда.

Расстрел (2)

7 сентября 2011

Когда в бурях песчаных теряется след,
Когда мыши летят на мигающий свет,
Когда тень на ресницах и пыль на руках,
Когда жизнь утонула в бездонных снегах,
Когда я провожаю последний рассвет,
Когда нечем дышать, когда воздуха нет,
Когда соль на губах не запить и водой,
Когда умерло всё – я пошла за тобой.
Мне сказали – беги, мне кричали – стреляй!
Снова небо в угле от чернеющих стай.
Снова птицы вокруг, они душат меня,
Я убью этих птиц – застрелю без ружья.
Я иду. Будь со мной. Кем угодно и как.
Дотянись до меня – нам остался лишь шаг.
Что заставило нас уходить от ответа?
Прощались на миг, а простились до лета.
А в ушах приговор – навсегда, навсегда!..
Я теряла минуты, теряла года,
Я неслась по откосам, считая шаги,
Уходила без спроса... Не слушай! Беги!
Пеленой расстилалась белёсая даль,
Пустота смотрит вверх, на слепую скрижаль,
Там рассыпаны звёзды, как пух на лугу,

Я хочу их себе, но поднять не могу,
Не хотят, не даются – вот злые сердца!
Но я снова иду. И пройду до конца.
Я сотру своё горе, как воду с лица,
Но ожить не смогу – это воля Творца.
Не согреться мне в стужу – разорвана шаль,
Вот такая игра, вот такая скрижаль.
Это горе – как память о вечной игле,
О портрете, что в доме висит на стене,
Ведь иголка – не шёлк, а холодная сталь;
Пусть проколет меня, мне иголок не жаль,
Всё – не то, всё – не здесь, всё привиделось мне,
Я как кукла на нитках – живу в чьём-то сне.
И я знаю, кто спит, кто тревожит меня,
Это жарче молитв, это жарче огня,
Это ты, это ты! Я запомнила день,
Когда ты вдруг пришёл и украл мою тень.
Так оставь же меня – толку нет от теней,
Раствори мою тень в огоньках фонарей.
Они больше не светят. Разбиты. Увы!
Не подняться со дна, не сносить головы.
Но к чему этот бред? Ты меня не поймёшь...
Ты – иссохший колодец. Зачем ты живёшь?
Мы – безликие куклы, нас стёрла судьба;
Вот бы петлю найти да кусочек столба...
Но вокруг – лишь пустыня. Пески и огонь.
Солнце жарит огнём. Подставляйте ладонь!
Погребенья не будет! Умрём у песка.
По сравнению с тобой даже смерть не тоска.

Ты стреляешь, но пуля свистит у виска —
Целься лучше, родной. Убивай на века.
И я что-то решаю. Ведь нужно решать...
Но бежать не могу. Бесполезно бежать.
Что мне делать – не знаю. Я просто стою.
Я решать не умею. Я просто люблю.
Этот бред – как молитва, а жизнь – как расстрел,
Эта ночь – как спасенье измученных тел.
Я целую ладони, а пальцы дрожат,
Я не знала, где дом, я пошла наугад,
Я шептала молитвы, да всё невпопад —
Никогда уже мне не вернуться назад.
А другие кричат – ты в огне! Это ад!
Но я здесь ни при чём. Ты один виноват.
Ты ведь любишь меня, так к чему маскарад?
Ты для них как кумир, а меня не простят.
Я целую тебя – ты меня предаёшь,
Умоляю остаться, но знаю – уйдёшь.
Только бег – это сон, он не вечен, пойми.
Я дарю тебе всё. Забирай же. Возьми!
Я немного помню, мне трудно судить,
Я умею одно – беззаветно любить.
Они здесь, они рядом, кричат – убивай!
Будь смелее, не жди. Он же здесь! Ну, стреляй!
Моя боль, моя нежность, я вся – для тебя,
Я калечила пальцы, те пули дробя.
А вороны носились, ломая кусты,
Я устала, родной, я хочу темноты...
Разожми свою руку, дай просто уйти,

Мои силы иссякли, меня не спасти.
Ничего, что горюю, мне горечь мила,
Моё сердце сияет, как груда стекла.
Кто ты, что ты и где, я не слышу, не знаю...
Да я лучше умру, чем тебя потеряю!
Это больше, чем жизнь, это ярче огня,
Эта боль оказалась сильнее меня.
Ты ушёл, до краёв не наполнив бокал,
Я держала тебя, но ты сел за штурвал.
Ты учил выживать, но нажал на курок,
Ты велел мне любить, но подняться не смог.
Я хотела сбежать, я хотела уйти,
Я хотела догнать, я хотела спасти!
На дорогу выходит старуха в чалме,
Держит что-то в руках – и даёт это мне.
То был прах твой, накрытый тугим колпаком,
А старуха была лишь моим двойником,
Что бродил по пустыням и прах твой искал —
И нашёл твою тень у разбитых зеркал.
Только тень – не скелет. Ты живой, ты живой!
Я бежала к тебе через город ночной.
А вода обжигала мне ноги костром,
А старуха смеялась уродливым ртом.
И тот смех весь мой город, весь мир поглотил —
Ты меня не узнал и к себе не пустил.
И к подошвам прилипла сухая трава,
А в ушах шелестели прощанья слова.
Я стою. Ты стоишь. Между нами – огонь.
Я теряю твой прах, разжимая ладонь.

Это песня во тьме, это ведьминский крик,
Я хотела гореть, но тот лучик погиб.
Это страшная ночь, я разрушила мир —
Для тебя, для того, кто меня не любил.
Мы стреляли в синиц, а попали друг в друга,
Я стою в темноте, и меня сносит выюга.
Тебя нет. Ты исчез. Мне опять догонять —
И старухе мечту у меня не отнять.
Дом пустой. Дом разрушен. Чужие шаги.
И мне снова кричат – поднимайся, беги!
На снегу остаются следы наших тел,
Мне старуха опять отменила расстрел.
Я продолжу скитаться по миру – и вновь
Разгорится огнём колдовская любовь.
Я тебя прижимаю к разбитой груди,
Я старух не боюсь – мой расстрел впереди.

Если бы рыба могла говорить

9 апреля 2013

Если бы рыба могла говорить,
Если бы рыба словам обучилась,
Если б позволили рыбе любить,
Она бы на дно больше не опустилась.
Если бы рыба могла говорить,
Если бы вспенилась гуща морская,
Если б могла эта рыба забыть,
Как её мучает доля людская.
Если бы рыба могла говорить,
Если б уста у неё разомкнулись,
Она б попросила тебя не спешить,
Дождаться, чтоб чувства глухие проснулись.
Если бы рыба узнала слова,
Если б таиться она перестала,
Она б рассказала о том, что едва
Царицей морской этой ночью не стала.
Если бы рыба плыла над волной,
Если б её чешуя заблестела,
Она б поплыла непременно домой,
Туда, куда всю свою жизнь так хотела...
Если бы рыба могла говорить,
Если б её полюбили случайно,
Если б смогло её сердце ожить —

Оно бы открыло великую тайну.
Если бы рыбу ты взял на ладонь,
Если б погладил её по хвосту,
Она бы зажгла этот тихий огонь,
Который её озарит красоту.
Если бы рыба была посмелей,
Если б о чувствах сказала открыто,
Если бы рыбу назвал ты своей,
То сеткою та не была бы убита.
Если б ты рыбу любил, как жену,
Если б её не отдал ты без боя,
Если б её не оставил одну,
Её чешуя не сгорела б от зноя.
Если бы ты ей позволил летать —
Ведь это не в сказках, а в жизни бывает, —
Тогда вместе с рыбой ты мог бы узнать
Тот луч, что волну поутру накрывает.
Если б ты мог не смеяться над ней,
Она бы оттаяла, чудо морское —
Тогда б до конца этих сотканых дней
Она бы была твоей верной женою.
И если бы рыба могла объяснять,
Она бы открыла тебе высший разум,
Тогда б наконец-то ты смог осознать,
Что ты без неё не был счастлив... Ни разу.
Если бы рыба могла говорить,
Она б рассказала тебе, и немало.
Если б позволил ты рыбе любить —
Она бы и рыбою быть перестала...

Шестиконечная

18 декабря 2012

Горит звезда шестиконечная.
Опять огонь под облаками.
Вокруг цветы и жизнь беспечная,
Но значит – впереди цунами.
Мне говорят – эй ты, жидовка!
Постой, раскрою твой обман!
Жидовка я, и очень ловко
Тебя поймаю в свой капкан.
А за окошком – первый снег,
Он так причудливо пушится.
Какой-то странный человек
Среди сугробов копошится.
Он кто такой? Не всё ль равно,
Фигура ведь уже пропала.
Я в своё старое окно
И не такое наблюдала.
И стоит лишь взглянуть в ту даль,
Которой я всегда боялась,
Как я пойму, что снов не жаль, —
Они ушли, а я осталась.
Я жизнь свою припорошу
И приготовлюсь зимовать.
Я, знаешь, этим не грешу —

Тем, чтобы крылья раскрывать.
Горит звезда шестиконечная,
Ношу я панцирь под пальто.
Я знаю, что и жизнь не вечная,
Да только делать с этим – что?
Я отходила босиком
Все эти сумрачные годы,
Пока стучали молотком
По камню нашей несвободы.
И я теперь хочу огня —
Чтоб он пылал и надрывался.
Кто ты такой против меня?
К чему ты мне теперь достался?
Мне говорят – эй ты, жидовка!
Ты что там прячешь под пальто?
Достану вот сейчас винтовку
И покажу вам, кто есть кто.
Горит звезда шестиконечная,
И снег хрустит под каблуками.
К кому иду на встречу я
Своими тонкими ногами?
И я от шорохов дрожу,
Жду, как всегда, твоих шагов.
Ты приходи – я докажу
Свою любовь без всяких слов.
Горит звезда шестиконечная,
Пороги многие обиты.
Да, мир большой, но всё не вечное —
Мои колени зря разбиты.

Но моя странная судьба
Меня за горло не возьмёт;
Пускай она сто раз права —
Я вырвусь и пойду вперёд.
Что я оставлю позади?
Кому про это интересно?
Не осуждай, ты погоди,
Ведь как-то это всё нечестно.
Ты не успел понять, что я
Из точки в солнце превратилась,
За этой дробью из дождя
От бед своих, дрожа, укрылась.
Но ты не очень-то мне рад.
Тебе так хорошо с другими?
Я отказалась от наград,
Ведь я живу совсем не ими.
Я не боюсь тебя спросить
И не боюсь тебя обидеть.
Мне третий глаз дан, чтобы жить —
И им нутро твоё увидеть.
Не отвергай моей любви;
Позволь, я покажу тебе,
Что чувство, что в моей крови,
Не измеряется в числе.
Позволь любить, как я хочу,
Ведь я люблю, а ты играешь.
Позволь, я к той звезде взлечу,
За ней мой дом, ты понимаешь?
Так отпусти меня туда,

Я так устала притворяться.
Какая яркая звезда!
Но разве мне за ней угнаться?
Замёрз на ветке старый дрозд,
И от него лишь клюв остался.
Мне из окна не видно звёзд,
А ключ от двери потерялся.
И город отражён в стекле,
В стекле, что в комнате моей.
Я возвращаюсь на заре
В один из самых светлых дней.
Но на пороге кто стоит?
Таких уже давно не жду.
Гремящий поезд дребезжит,
Увидев ту мою звезду.
Она висит тревожно так,
Как будто съёжилась от боли.
А млечного пути зигзаг
Повис во тьме над чёрным полем.
Я начеркала то письмо
В надежде, что его прочтёшь,
Что не родится больше зло,
А ты – опять меня поймёшь.
Куда ты дел мои листки?
Где их куски искать теперь?
Засохли в вазе лепестки,
Но сердце тихо шепчет – верь.
А за окошком – снег густой,
Но только я на нём не таю.

Ждала я жизни, да не той.
А где она – я разве знаю?
Горит звезда шестиконечная.
Не делайте людей рабами.
Ведь небо – вдруг оно не вечное? —
Пока ещё над головами.

Свет

27 апреля 2012

Ты как солнце сияла над нами,
Ты была самой яркой звездой.
Ты весь мир обнимала руками,
Но ушла, захлебнувшись водой.
Эту жизнь наполняя любовью,
Ты дарила земле нашей свет.
Ты боролась с немыслимой болью,
Ты была, но тебя больше нет.
Ты жила – и была так красива,
Что тебя никогда не забыть.
Ты любовь умножала на силу,
Ты одна так умела любить.
Прожила ты так горько, так мало,
Ты могла бы цвести и цвести.
Но тебя даже смерть не сломала —
Нас, живых, ты, родная, прости.
Ты была самой нежной из нежных,
Было солнечным имя твоё.
Ты всем нам оставляла надежду,
А сама умерла без неё.
И весна без тебя не такая,
Не такая, как прежде была.
Раньше в мае была ты живая,

А теперь тебя нет – умерла.
Лезут листья и все эти почки,
А недавно воскрес сам Христос.
Твоя смерть – никакая не точка,
Это наш бесконечный вопрос.
Для меня твоя смерть – как моя,
Я хотела с тобой поменяться.
Я люблю его так, как тебя.
Мне так больно, что надо прощаться.
Мне себя никогда не простить,
А тебе никогда не вернуться.
Я молилась, чтоб ты могла жить,
Чтобы векам твоим не сомкнуться.
Ты дарила искрящийся свет,
Ты была самой лучшей женой.
Теперь спи, отдыхай – боли нет,
Пусть страдания заменит покой.
Пусть живым твоё будет лицо,
Красота твоя вечно живёт,
А на пальце сияет кольцо —
Твоя жизнь никогда не умрёт.
Слёзы быстро прольются, и вновь
Наступает молчания тьма.
Ты ему подарила любовь,
Ты была самой лучшей. Всегда.
Ты прошла сквозь огонь, ты одна
Знала то, что никто не поймёт.
И теперь вокруг нас тишина,
Но она нам тебя не вернёт.

Ты была его светом, и вот
Твоё тело встречает земля.
Почему нельзя наоборот?
Почему до сих пор жива я?
Ты светла, как и имя твоё,
Ты для нас будешь вечно живая.
Твоя смерть – как стальное копьё,
Ты убила и нас, умирая.
Твоя жизнь была светлой, как день,
Не должна ты вот так уходить...
Я несу на могилу сирень.
Но кого теперь в этом винить?
Отстрадав, ты ушла в яркий свет.
Я молюсь, чтоб тебе стало легче.
Только здесь без тебя – не рассвет...
Здесь горят поминальные свечи.
Я тебе повторяю – прости.
Только это никто не услышит.
Ты с собою смогла унести
То, чем мир выживает и дышит.
А твой прах вместе с ветром летит
В те края, где надежда живёт.
Эта пыль замедляет гранит —
Даже камень тебя не убьёт.
Ты прекраснее всех. Ты одна.
Твоя молодость вечно живёт.
Да пребудет с тобой тишина.
Твоё место никто не займёт.

Без названия

16 января 2004

Покидаю я мир этот грешный.
Капли крови на белом снегу.
И в последний раз: «Милый! Нежный!
Я дышать... я жить не могу!»
Холод, страх и скрежет. Ледяной паркет.
Больно душу режет мутный тусклый свет.
Комната пустая, дым от сигарет.
Всё ушло – я знаю. И возврата нет.
Поднимаюсь тихо, ускользаю в ночь;
Бог меня не слышал и не смог помочь.
Люди, лица, тени – как тебя найти? —
Вьюга всё смешала на моём пути.
Ни костёр, ни солнце душу не согреют.
Я тобой дышу! Я тобой болею!
Нет покоя, нет приюта... даже сна —
Я бреду по зимней улице одна.
Хлопья острые уж щёк не обжигают...
Моё сердце, милый! Сердце умирает!
Ураган замёл дороги... Ты прости:
Без тебя мне, милый, некуда идти.
Страшный холод... ветер сносит... снег... ненастье...
Без тебя, любимый, не найти мне счастья.
Светлый пух кружится. Чёрный дым кругом;

Я в ночи безмолвной потеряла дом.
Прочь отбросив страх, робость и сомненье,
Я иду вперёд. Ты – моё спасенье.
Но во тьме безликой стало вдруг, как днём:
Вижу свет в окошке, силуэт твой в нём.
Милый! Это чудо! Я тебя нашла!
Почему ж непустишь? Я к тебе пришла!
Стужа, лёд иль мрак – сердцу всё равно:
Как средь бурь маяк мне твоё окно.
Я пришла из горя... бьёт по телу дрожь...
Но ты запер двери... Ты меня не ждёшь?
Господи! Услышь же стон в ночи пустой,
Чтобы ты всё понял, чтоб пришёл за мной.
Но вдруг... выстрел, грохот; крик пронзает тьму...
И вот в последний раз: «Люблю тебя, люблю!»
Я упала навзничь, кровь бежит ручьём:
Это сердце плачет – ты забыл о нём.
Милый! Нежный! Где ж ты? Хотя на миг позволь
Слышать перед смертью голос чудный твой.
Только на мгновенье, в гаснущем огне,
Подари мне нежность – прикоснись ко мне.
Поцелуй последний с губ моих сорви.
Не любил? Неважно. Ты сейчас люби.
На глазах не слёзы – лишь сухая соль.
А на сердце – рана... И тоска рекой.
Белый снег... и ливень. Чёрный град... и зной —
Я прощаюсь с жизнью, расстаюсь с тобой.
Ты поведай миру о моей весне.
Не забудь, любимый; помни обо мне.

Набатный колокола звон,
Железный крест монастыря...
И бьющий в центр сердца гром...
И слишком поздно... для меня.

Принцесса

16 декабря 2011 – 1 февраля 2012

Я боюсь наступления светлого дня,
Я боюсь безрассудных рассветов.
Я боюсь, что с рассветом ты бросишь меня,
Бросишь всё, что тобою согрето.
Я боюсь, что ворвёшься и включишь тот свет,
Что слепил меня сотни и тысячи лет,
Что сиял, как огонь, сквозь безумие тьмы,
Разливая мой яд на конце той иглы.
Я хочу умереть, но остаться с тобой,
Под венец шёл со мной, а ушёл за другой.
Ты скрутил мою душу верёвкой,
Пожелав, чтобы смерть была лёгкой.
Ты захочешь сказать, но продолжишь молчать —
И случайно убьёшь, разучившись стрелять.
Хорошо, что в плечо, хорошо, что в меня,
Эта пуля опять миновала огня.
Я боюсь, что тыпустишь стрелу в тот конец,
Где стоит этот дуб, где лежит тот ларец,
А в нём смерть – на иголке, на самом конце,
В том глубоком дупле, в том ужасном ларце.
Ты стрелял. Ты попал. Ничего не вернуть.
Это страшный, коварный, предательский путь.
Так отдай им меня – ничего, что усну,

Я смертей не боюсь – я сломаю иглу.
Стану жабой. Лягушкой. Принцессой твоей.
Ты найдёшь меня там, где поёт соловей.
Ты узнаешь стрелу, моя жизнь спасена —
Но из жабы теперь разве выйдет жена?
Я принцесса. Живу я в зелёном лесу.
Ты сказал – я ослаб, я тебя не спасу.
Я останусь сидеть – дева с рыбьим хвостом.
Где же свет? Где же жизнь? Ничего – всё потом!
Отложилось! До завтра. До сотого века.
Боже, Бог мой, услышь! Пощади человека!
Не души меня здесь, дай подняться к звезде...
Нет ответа. Туман. И скелеты везде.
Я брожу по лесам, соблазняя мирян,
Я русалка, я бес, я твой вечный изъян,
Ты люби меня так, чтобы смерть отступала,
Только этой любви почему-то так мало...
Я устала от войн, став твоею женой,
Я ушла от людей в этот лес колдовской.
Мне здесь страшно, и запах хмельной от ветвей —
Мне уже не узнать, как поёт соловей.
Разгадай эту сказку, разрушь этот плен!
Я умру прямо здесь, я не встану с колен.
Не устану молить тебя вспомнить о том,
Что однажды с тобой мы оставили дом.
Мне б найти его... Знаешь, другого не надо.
Пусть кричат сколь угодно об ужасах ада.
Я с тобой. Я с тобой! Не уйду никогда.
Пусть война, пусть костёр, пусть разлука, беда,

Бесполезно пугать – ничего не боюсь!
Лишь бы ты был живым – я об этом молюсь...
Я тебя никогда не оставлю, поверь,
Только б лодка моя не осела на мель.
А они все кричат – он же скоро умрёт!
Что же ты – хочешь с ним провалиться под лёд?
Я не верю в часы. Я не верю в слова.
Знаю только одно: рядом с ним я – жива.
Мой родной, нам не нужно брести наугад,
Больше твой бумеранг не вернётся назад.
Если хочешь уйти – уходи, только знай —
Больше стрелы свои в мою жизнь не бросай.

Не отрекусь

23 ноября 2009

...Мы были – куполом из тьмы,
Мы были – лепищем из глины.
И крот, посланец Сатаны,
Прорвал, прогрыз мои седины.
Мы были – в каждом уголке
И в каждой капле на планете.
Весь шар земной в одной руке
Несли с тобой мы, словно дети.
Мы были сотканы из мглы,
А вышли – из зеркальной пены.
Кривой овал седой Луны
Не обещает перемены.
Я принимаю вызов твой!
Я отказалась от богатства.
Смерть пронеслась над головой,
Нас пригласив в немое царство.
Воркуй, кричи в глухое ухо,
Оно – вместилище позора...
Нам в спину пялится старуха —
Её ты встретишь у забора.
Я не боюсь твоих речей!
Я не боюсь твоих проклятий.
Из тысячи чужих ночей

Я выбрала твоё распятыё.
Не отрекусь! О Боже мой!
Я вновь глотнула яд кручины,
И моря хаос голубой,
И горя алые рубины.
Не покорюсь! Чужой женой
Пройду одна по белу свету.
Сплелась, срослась с твоей виной —
Перенимаю эстафету.
Я здесь! Вернулась я домой —
Сорви мне с плеч хмельное платье!
Пьянящий зной, кипящий зной
Взметнул, взорвал мои объятья.
Взгляни! Огни на небесах!
И колокольный звон тоскует.
Застыли стрелки на часах —
Мороз в окне узор рисует.
О, нет! Паду к твоим ногам —
Я сильной быть устала, милый...
Бродя по выжженным лугам,
Я вдруг нашла твою могилу.
Но я не верю жутким снам,
Я не страшусь ночей бездонных.
...И снова дождь по волосам,
И снова шепот стрелок сонных.
Брели, плутали, обожглись —
Оборвались на середине.
И вот – нас нет. Мы не спаслись!
Погибли в дьявольской трясине.

Не отрекусь! В тени миров
Мы исчезали многократно.
Не разрубить тугих узлов,
Не отыскать путей обратно.
Я не страшусь прямых лучей!
И алых линий на запястье.
И тысяча чужих ночей
Прилипла к телу, словно платье.
Не покорюсь. Не прокляну.
Не успокоюсь. Не покину.
В твоих руках опять засну,
Запрятав нож тебе за спину.
Нет, не проси... Не покорюсь!
Из года в год одно и то же:
Ты убиваешь – я смеюсь...
И снова воск течёт по коже.
Я преклонюсь. Я виновата!
Я искуплю вину свою.
...А из кости твоей когда-то
Меня слепил Господь в раю.
Принадлежу! Не отрекаюсь...
Вернулась в дом наш опустевший.
Я на колени опускаюсь —
Пей мой огонь недогоревший.
Я чёрным птицам улыбаюсь —
Ты видишь, милый? Я смеюсь!
И, всех предав, совсем не каюсь —
Ушла с тобой. Я не вернусь.
Ты видишь сам, как я скитаюсь —

От дня ко дню, от ложа к ложу.
Но – выбор сделан, я не каюсь:
Твоя любовь всего дороже.
Ты мне рукой махнёшь – прощай:
Я безголоса, не ропщу.
Уйти изволишь – что ж, ступай:
Не покорюсь, но отпущу.
Взмахну крылом над головой
И пронесусь над океаном.
Ты стал моей немой тоской,
Моей кровоточащей раной.
Твои картины смоем дождь,
От них оставив только пятна.
Я знаю – ты меня не ждёшь,
Но жребий брошен безвозвратно.
Стою в священной наготе,
Но холодны твои объятия.
Был жребий брошен в темноте —
Я не расслышала проклятья.
Прочти, родной, мою тоску!
Пойми, что ты меня неволишь.
Но стать свободной не смогу —
Ведь ты уйти мне не позволишь.
Нет! Удержи! Не отпускай!
Я буду пленницей навечно.
Я опоздала на трамвай
И не поехала по встречной.
Мы совершили сто грехов —
И ты неистово хохочешь...

Но я тону у берегов,
А ты руки подать не хочешь.
Мы были – тенью у ворот,
Мы стали – дьявольскою шуткой.
Кровавый крот, бездушный крот
Пугает нас улыбкой жуткой.
Я слышу голос из глубин,
Я вижу образы нетленных.
От нас остался только дым,
От нас, нещадно убиенных.
Возьми, возьми мою ладонь;
На ней – сто тысяч тонких линий.
От нас остался лишь огонь
Да лепестки от белых лилий.
Мы были – слепком горьких фраз,
Мы были – тенью сатанинской.
Боялись люди наших глаз
И нас не подпускали близко.
Да, был отравленным тот плод —
Мы стали каменной лепниной.
Смотри! Тот жалкий старый крот
Прорыл свой путь, но – снова мимо.
Ты приказал – за мной иди,
Но выстрелил мне в грудь невольно...
Но – нет, не отрекись – не жди!
Я вызов твой приму спокойно.
И я – была живею ветров,
А стала – птицей омертвелой.
Моя тоска не знает слов,

Ей нет границ, ей нет пределов.
Ты покидаешь дом мой вновь,
И я не жду себе прощенья.
Живой останется Любовь —
Без лишних слов. Без отречения.
Не отрекусь! Завет таков.
Я буду ждать тебя. И точка.
Пройду с тобой сквозь тьму веков —
И оживу сквозь эти строчки.
Гони меня в страну чужую,
Заставь забыть Святую Русь;
С кем хочешь будь. Люби другую...
Я всё равно не отрекусь.
Давно сожгла свою судьбу,
Пройдя сквозь прах невозвращений.
Но слышу вновь твою мольбу —
И вновь люблю. Без отречений.
Я родилась в тени ветвей,
Я родилась в долине скорби...
Ужалил в ногу скарабей —
Тоска пустила в землю корни.
...И, потеряв своё крыльцо,
Я побывала в месте странном...
Твой прах как верности кольцо
Ношу на пальце безымянном.
Пройдя сквозь сотни тысяч войн,
Я затерялась в эшелонах...
Но вот я здесь. Я здесь. С тобой.
Ты ждёшь меня? Родной, я дома!

Впусти меня! Открой врата,
Не задувай в подвале свечи.
Меня съедает пустота,
Мне страх топор кладёт на плечи.
Меня ты бросишь на дороге —
Оправлюсь, встану, отряхнусь...
Ты всё равно мне будешь Богом,
Я от тебя не отрекусь.
Была твоим глотком вина —
И зря ты надо мной смеёшься...
Я уйду теперь одна,
А ты в капкане остаёшься.
Бреду сквозь сонм невозвращений,
Люблю, кричу, сгораю, каюсь...
Но уничтожу чернь знамений —
И проживу, не отрекаясь.
Мне снятся тысячи костров
И миллиарды возрождений:
Я научусь любить без слов,
Без этих страшных отречений.
На безымянной глубине
Я отдавалась без остатка.
Взметнулся яд на самом дне —
Ну, пей со мной! Смотри, как сладко!
И тот неведомый костёр
Родился из воздушной пены.
Луна, спалив ночной шатёр,
Не принесла нам перемены.
И, не связав судьбы концов,

Мы раскололи шар стеклянный.
Ты смерть как верности кольцо
Надел на палец безымянный.
...Прошли с тех пор десятки лет —
Я всё забыть тебя пытаюсь...
Давно нарушен мой обет,
Но всё равно... не отрекаюсь.

Про палачей

27 марта 2010

По длинным узким коридорам
Бегу за солнечным лучом.
Ты говоришь за словом слово,
Так и идём – к плечу плечо.
Чего мы ждём? Не понимаю.
Что впереди? Там пустота.
Ты весь дрожишь – уж я-то знаю —
Тебя пугает темнота.
Что ты боишься здесь найти?
Рука дрожит в моей руке.
Ты прав: отсюда не уйти,
Здесь чёрт живет на чердаке.
Какой-то странный чую запах —
Как будто мёртвые кругом...
И голова лежит на плахе,
И чья-то кровь под сапогом.
И чей-то стон – холодный, хрупкий —
Заполнил этот страшный дом.
Меня хватает смерть за руки,
А я ножом ее, ножом!
Я не пускаю к нам старуху,
Не бойся, мой родной, не плачь.
Я смерти распорола брюхо —

Здесь не она, а я палач!
Но мне кричат – не тут-то было!
А мне кричат – не победишь!
Но – всё равно, что жизнь застыла...
Мне главное – что *ты* простишь.
А ты простишь меня, я знаю,
Свою бездомную жену.
Но мы скользим, скользим по краю
И, падая, идем ко дну.
Но где же дно? Нога не чувствует
Песка, что ощутить должна.
Смотри – здесь тень моя ночует;
Смотри, как тень моя страшна!
А тень кричит и просит соли.
Зачем ей соль, позволь спросить?
Я не выдерживаю роли,
Нутро засохло. Дайте пить!
Я пить хочу! Хоть каплю, каплю...
Смочить бы губы только мне.
Но смерть суёт мне в руки саблю:
И – вновь война! Война во тьме.
Но кто мой враг? Лица не вижу —
И даже слов не разобрать.
Да я и мухи не обижу,
А мне сказали – убивать.
Я не хочу! Я не такая;
Ведь я других – живых – кровей.
Зачем мне рай? Не надо рая —
Верните саблю поскорей.

Пусть будет так! Я не раскаюсь,
Я роль сыграю лучше всех.
Смотри, родной, я улыбаюсь!
Но страшен мой нелепый смех.
Я разгадала ту загадку,
Что нас терзала столько лет.
Но падает из рук перчатка,
И ты кричишь в лицо мне – нет!
Я не люблю тебя! Понятно?
С тобой иду я просто так.
Давай, кричи... Мне всё приятно...
Твои слова расколет мрак.
Какой ты смелый! Ты не знаешь,
Что так со мной шутить нельзя.
Ты жить хотел, но погибаешь,
По краю пропасти скользя.
Но я стою – и рассыпаюсь...
Поддай мне руку – так и быть.
Вдохнуть хочу... Я задыхаюсь!
Я не могу тебя убить!
Пусть лучше ты меня терзаешь,
Не обвиню тебя ни в чём.
Ты сам, родной, не понимаешь,
Что стал безликим палачом.
Ты стал моей несносной раной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.